

Трудные переговоры Рона

Рон смотрел в глаза таукитянину. Он любил переговоры и каждый раз с головой окунался в подготовку очередного контракта, изучая мельчайшие нюансы мимики, интонации, истории и техник будущих соперников. Таукитян он знал давно и уже понимал, что означает каждое движение их чувствительных щупалец, каждый поворот или наклон их тонких незащищенных шей. Догадывается ли сейчас торговец, что новую материю соляне во главе с Роном готовы приобрести во что бы то ни стало — им не хватало ресурсов, а новая материя легко трансформировалась и в воду, и в энергию, к тому же источником её воспроизводства был космический мусор? Чувство эмпатии у торговцев было развито очень сильно, они быстро научились понимать каждый жест и взгляд солян, каждую перемену в интонации голоса, что делало его задачу ещё сложнее. Он справится, он всё ещё лучший переговорщик системы. Конечно, есть Ляо, неподражаемая собеседница, доброжелательная и милая, с её красотой и острым и точным как скальпель умом, Ляо, душа общества и само совершенство, которая давно метит на его должность, используя всё своё непередаваемое обаяние. Ничего, малышка Ляо, у тебя всё ещё впереди, ещё не настало твоё время. Как же ты хороша, как всё к месту — зелёное платье, длинные накладные ногти выкрашены в зеленоватый цвет. Рона восхищало в ней всё. Таукитяне были поклонниками нежных ароматов и ненавидели неприятные запахи — причём вкусы у них были довольно земные, и в переговорном зале стоял нежный едва уловимый свежий запах утреннего сада.

— Вы действительно считаете, что товар стоит так дешево? — едко спросил таукитянин. Торговцы переглядывались, и Рон чувствовал их взаимопонимание, основанное на едва уловимом чувстве превосходства. Рон сделал паузу.

— Мы даём хорошую цену, — уверенно произнёс Рон. — Мы уважаем ваши достижения и не собираемся их умалять, поэтому во всём идём вам навстречу. — Для него это действительно была объективная цена — разумная и заранее рассчитанная.

Ляо посмотрела на него с нескрываемой насмешкой, и таукитянин уставился на неё. Что бы это значило, что же она делает?! И вдруг Рон понял — она это делает специально. Подставляет его. Хочет показать таукитянам, что он сознательно лжёт, занижая цену. Ей плевать на сделку, пусть соляне платят дороже, ей важнее похоронить его, Рона. Его охватила оторопь.

Ляо пользовалась тем, что по настоянию чувствительных таукитян велась только запись звука, они были против видеосъёмки. Они её всегда чувствовали. Надо вывести Ляо на чистую воду. Любым способом.

— Тебе смешно? что здесь смешного? — проговорил он тихо, спокойно, отчётливо. Пусть все, особенно Кром, Директор, поймут, что здесь происходит.

— Рон, что с тобой?— спросила Ляо, и это было такое неподдельное, искреннее, не слишком сильное удивление, что он чуть было сам не поверил. Артистка, она его переигрывает! Торговцы смотрели и слушали с таким вниманием, как будто перед ними разыгрывалась захватывающая пьеса Шекспира.

Таукитянин попросил повторить цену и внимательно вперил свои огромные глаза в Ляо.

Рон мрачно повторил.

— Это действительно хорошая цена, — убеждённо произнесла Ляо. — Это правильная цена. Для вас производство практически бесплатно, контракт долгосрочный, в этом мы идём вам навстречу. Сделайте шаг и вы.

Как убедительно и тепло звучит её голос, будь он таукитянином, он бы сам продал по такой цене, если бы при этом Ляо не покраснела, как школьница, и не опустила на мгновение глаза. Чтобы Ляо, чемпионка по вранью, да вдруг покраснела! Он было удивился на долю секунды, пока не понял, что это опять игра. Великолепно! Кажется, оппонент его тоже был восхищён. В его огромных

зелёных глазах плескались волны — прекрасное, удивительное зрелище, но Рону в этот раз было не до него.

Рон почувствовал себя преданным и подавленным. Берём себя в руки. Что дальше?

Таукитянин предложил свою цену. Однако Рон ощущал его неуверенность, мысли его мгновенно сложились в слова и... ничего. Он в ужасе понял, что если напомним о долгом сотрудничестве и заявит о нереальности такого контракта, Ляо его выдаст так или иначе. И вообще, что бы он ни сказал, она его подставит. Он прикусил язык. Повисло тяжёлое молчание. Торговцы ждали спокойно, переводя взгляды с него на Ляо и обратно. Ожидание затягивалось, но Рон упрямо держал паузу. Пусть Ляо говорит, в конце концов, если она не прервёт молчание, то и ей будет вменено служебное несоответствие.

Ляо заговорила. Неплохо, совсем неплохо, но она не сказала ничего неожиданного для Рона, он и сам бы высказался в том же духе. Сделка завершилась на сумме, которая легла на будущее главного переговорщика как могильная плита. Солянам теперь придётся экономить на создании нового разума. Да и на всём остальном тоже. Не удалось опустить цену даже на такую малость, которую они уже закладывали в сделку и которую по своему обыкновению вполне могли допустить таукитяне. Это полный провал. Для него всё кончено, а для Ляо всё только начинается. Она говорила блестяще, контраст между ними налицо. Цена, конечно, завышена, но ведь главный переговорщик Рон вообще молчал, и Ляо, если верить аудиозаписи, просто спасла их команду из безвыходного положения.

На выходе в зале их ждал Кром. Торговцы остановились, чтобы произнести обычные слова благодарности солянам.

— Это были незабываемые переговоры. Они войдут в наши учебные пособия, — заявил таукитянин.

Рон думал о своём провале, Ляо держалась скромно. Они дружелюбно попрощались.

Когда таукитяне вышли, Рон оказался рядом с хмурым Кромом, глаза в глаза.

— Что же это такого поучительного в этой сделке, скажите пожалуйста, чтобы сделать её учебным пособием? — недоуменно спросил Кром.

Рон еле оторвался от своих мыслей, потом начал переваривать то, что услышал от Крома. И вдруг понял! его осенило.

— Всё ясно, они фиксировали съёмку! — вскинулся он и повернулся — а где Ляо? Ляо стояла поодаль спиной к ним и, по-видимому, ничего не слышала.

Таукитяне могли делать съёмку без какой-либо аппаратуры, своими необыкновенными огромными глазами они закачивали в память мельчайшие детали видеорядов. Но что было пока недоступно солянам — иногда они фиксировали эту запись и переносить на любые носители.

— Надо запросить видео, — взволнованно сказал Рон. — Оно отразит то, ради чего они начали фиксировать съёмку. Надо знать, что для них оказалось настолько важным. — Он чувствовал себя лгуном — он-то знал, что это было.

— Ладно, мы обсудим это с Командором, — ответил Кром. — Думаю, это действительно важно.

Рон шёл домой в превосходном настроении. В конце концов всем станет ясно, что сделку провалила Ляо. Он окажется даже в лучшем положении, чем был до её маленького спектакля — вся вина за неудачу ляжет на неё. Скорее всего.

Дома хорошее настроение его дало сбой. Он не блистал на переговорах, а Ляо блистала. Её способность полностью подчинить себе ситуацию, блестяще повернуть её себе на пользу может снискать ей уважение и симпатии. А вдруг ей простят подлость? И хотя он чувствовал, что вряд ли, слишком большой ущерб нанесла она солянам, ему было невесело.

Ляо чувствовала себя как выжатый лимон, опустошённой, измученной. Если Командор запросит видео у торговцев, а он, скорее всего, так и сделает, все её планы рухнут. Она даже не стала думать, к чему это может привести —

нельзя было тратить времени на страдания и страхи. Нужно было действовать. Она мгновенно собралась. Так, её большие прекрасные глаза на этот раз будут изумрудно-зелёными и слегка выпуклыми — она добьётся максимального сходства, это поможет расположить к ней таукитянина.

Когда двери его дома распахнулись, она красиво вплыла внутрь и слегка приостановилась — ей не хотелось показаться чересчур наглой. Вполне себе официальная улыбка и международное приветствие — и он уже указывает ей глазами на удобное кресло напротив себя. Не слишком близко, однако. Она попробовала чуть придвинуть кресло — не двигается, приколочено, что ли?

— Командор уверен, что в обход предварительных договорённостей фиксировалась видеосъёмка. Он просит уничтожить видео переговоров, — начала она. — Как вы понимаете, сам факт наличия съёмки без предварительных договорённостей может ухудшить отношения между цивилизациями и даже сорвать результаты переговоров.

— Вы думаете, соляне захотят заново провести переговоры? Вас это волнует, вам нравится цена, которую вы заплатили за новую материю, и вы не хотите попытаться её снизить? Поэтому вы ко мне пришли? — он явно насмеялся над нею.

— Нет, меня волнуют отношения наших цивилизаций, — с горечью в голосе произнесла она. — В конце концов, наши хорошие отношения — это дело моей жизни. И только ради них я хотела бы полного уничтожения видео и официального заявления об отсутствии у торговцев любой информации, кроме официальной.

Таукитянин с презрением выкатил на неё огромные глаза.

— Во-первых, вы пришли ради себя, а не ради дружбы. — Он предостерегающе поднял щупальце в ответ на её попытку заговорить. — Во-вторых, в многолетнем договоре о протоколе запрещается видеосъёмка с любой стороны, кроме нашей. Мы имеем право вести её когда захотим. И в-третьих, — тон его стал ещё более гневным, если это было возможно, — я прекрасно вижу ваше истинное отношение и понимаю, что вы явились уничтожить меня в

случае отказа. Вы, видимо, надеетесь, что без моей памяти не удастся собрать целостное видео — так вот вы промахнулись!

Тон его был настолько торжествующим, что она решила узнать, в чём именно она промахнулась и что ещё можно исправить.

— Вы ошибаетесь во мне. Но в чём я, по-вашему, промахнулась?

— Я не только веду съёмку — я веду трансляцию. Нас видит вся моя команда. — Стены стали прозрачными, и она увидела десятки огромных глаз, уставившихся на неё.

"Ах ты, гадёныш", — думала она, задыхаясь от желания схватить тоненькую шейку собеседника и свернуть её в ту же минуту. Но на лице ей появилась недоумённая и слегка жалобная улыбка.

— Вы даже не представляете, как ошибаетесь! — в её голосе звучала горечь обиженной гуманистки. — Даже не представляете, насколько неправы. Жаль, что мои самые добрые намерения вы истолковали столь превратно. — она встала и произнесла прощальное приветствие тоном доброй королевы, свергаемой неблагодарными подданными. Со вздохом она направилась к выходу. Не понимают эти торгаши добрых чувств. Только бы её не задержали на выходе. Она шла со спокойным достоинством — умеющие выигрывать умеют и красиво проигрывать.

Они сидели за большим овальным столом, и лицо Командора было мрачно.

— Она талантлива.

— Даже гениальна, — Кром вздохнул. — Но пока что её гениальность вышла нам боком.

— Такой абсолютный эгоизм! — задумчиво откликнулся Командор. — Где, в какой области можно использовать такое дарование?

— Я бы нигде не рискнул, — после долгого молчания сказал Кром.

— Да, такая бессовестность, такой эгоизм могут принести большие потрясения и жертвы. Что ни возьми.

Значит, должность она не получает.— резюмировал Кром.

— Речь не может идти ни о какой должности. Надо думать, где вообще можно держать такой опасный экземпляр.

— Не подвергнете же вы её аннигиляции, — оторопел Рон. — Она пока её не заслужила.

— Мы и не должны дать ей возможности заслужить, и как бы не опоздать с этим.

— В общем, скорее всего её надо отправлять на Землю в виде человека.

Рон вздрогнул про себя. Тяжёлое рождение, жизнь среди ограниченных небольшими возможностями своего ещё не развитого разума, мало что понимающих людей? Внушаемых, импульсивных, беспомощных, за которыми надо постоянно присматривать, чтобы они не уничтожили свой мир. Пользующихся бездумно и неблагодарно поставляемыми им благами в полной уверенности, что всё появляется само собой, без чьих-то внешних усилий, не умеющих обращаться с материей и временем. Он представлял, как красивая, уверенная в себе Ляо превращается в человека, живёт короткую жизнь, долго болеет, мучительно умирает, и не смог удержать тяжёлого вздоха.

— А что будет с ней после смерти? — решился наконец спросить он.

— А вот после и поглядим.